

INSPIRIA

18+

ВЕДЬМА
ПУСТОШИ

ДЖЕССИКА КУРИ

INSPIRIA

Джессика Кури

Ведьма пустоши

Серия «Inspiria Ромэнтези. Код магии»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74049452

ISBN 978-5-04-248961-7

Аннотация

Атмосферное готическое ромэнтези автора бестселлеров Джессики Кури, где в сердце Шотландии прядильщицы создают заклинания, превращая каждую вышивку в смертельно опасное произведение искусства.

Прядильщица, связанная опасной сделкой с фейри, вынуждена прятаться в шотландском поместье, полном мрачных тайн, в надежде отыскать врата в Эльфхейм.

В Шотландии магия – это искусство: она рождается через вышивку и плетение сложных узоров. Мастера, называемые прядильщицами, используют жизненную силу растений и вплетают ее в свои творения, превращая нити в заклинания. Однако некоторые, чтобы стать вдвое могущественнее, прибегают к темной магии, черпая энергию из живых существ.

Прядильщица Роуз искусно владеет созданием заклинаний с помощью иглы и нити. Но за великую силу приходится платить: магия девушки угасает, медленно ее убивая. Когда-то давно Роуз заключила сделку с коварным фейри Лахланом, завязав узел и

покаявшись своим сердцем. Пришло время исполнить договор, ведь отказ будет стоить прядильнице магии.

Роуз должна отыскать врата в Эльфхейм, проникнуть в мир фейри и похитить ветвь с Древа Двирра. Ее путь лежит через туманные шотландские пустоши, в поместье молодого лэрда Конрада. Шпионка Лахлана становится гувернанткой в особняке Конрада, чтобы отыскать порталы, скрытые древними заклинаниями. Но чем ближе Роуз к разгадке тайны, тем сильнее ее притягивает загадочный лэрд, который презирает магию.

Выбор кажется невозможным: исполнить сделку и обречь Конрада на гибель – или разорвать договор, лишившись магии и собственной жизни. Но в мире, где плетутся узоры судьбы, самое нерушимое заклинание сплетает любовь.

«Одна роковая сделка приводит героиню в Шотландию, где за красивыми пейзажами прячется слишком много тайн. Магия плетения, ложь, в которой легко потеряться, и чувства, что все усложняют. Это история про выбор, от которого невозможно уйти. Захватывающе, прекрасно и трепетно – вам не захочется, чтобы эта история заканчивалась!» – Виктория, книжный блогер vi.with.books

Содержание

Пролог	9
Глава 1	28
Глава 2	42
Глава 3	49
Глава 4	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Кури Джессика Ведьма пустоши

© 2025 by Jessica Khoury

© Ускова К., перевод на русский язык, 2026

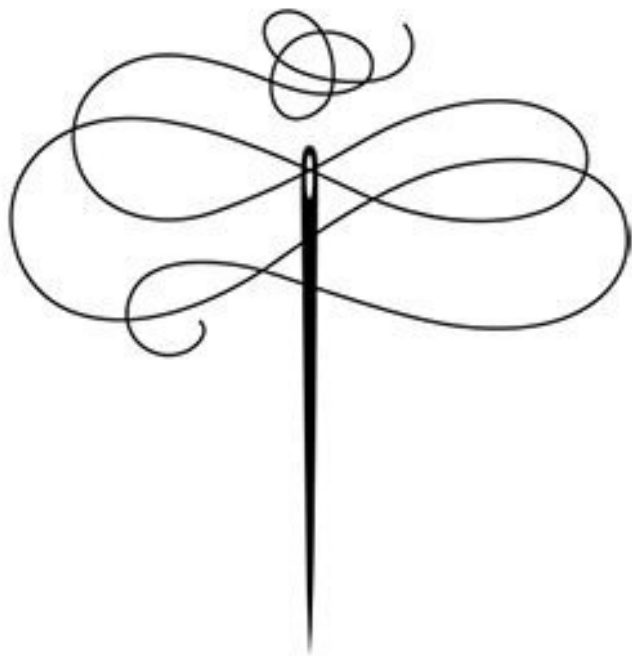
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Cover design by Logan Matthews

Cover illustration by Elena Masci

Иллюстрация на форзацах Sonya Karpi

* * *

Для Трейсин, которая вкладывает любовь в каждый стежок

Пролог

*И девы нежноликие спешат,
Заслышав рев трубы, как амазонки.
Они иглу сменили на копье,
Наперсток на железную перчатку
И нежность души на ярость боевую.*
Уильям Шекспир «Король Иоанн»
(Перевод Н. Рыковой)

«Чтобы изменить судьбу, порой достаточно одной лишь нити» – так начиналась книга. Следующую фразу я прошептала вслух:

– «Однако магия прядения не для слабых сердцем».

От этих слов не было никакого толку. Это я и так знала. Мне не были нужны туманные предостережения – мне нужно было заклинание, и немедленно.

Я лихорадочно перелистывала страницы левой рукой, чувствуя, как сердце разрывается от ужаса. Правой же рукой я сматывала нить с деревянной катушки. Солнечный свет лился в окно библиотеки, поблескивая на осколках фарфора, разбросанных по ковру. Еще несколько минут назад эта ваза была любимицей тети Леноры. Некогда молочно-белая, украшенная нежными голубыми цветами, теперь она представляла собой лишь грудку острых, зазубренных черепков. А все из-за одного неловкого движения локтя и...

Сосредоточься, Роуз, приказала я себе мысленно. Что сделано, то сделано... если только не найти способ все исправить.

Я взглянула на маятниковые часы на камине.

Тетя Ленора могла вернуться в любую секунду.

– Мойры, прошу, помогите, – выдохнула я, чувствуя, как глаза застилает пелена слез. Есть ли богиням дело до испуганного восьмилетнего ребенка? Отвлекутся ли они хоть на миг от своего небесного станка, чтобы помочь мне?

Я в этом сомневалась. Я была сама по себе, как и все время со смерти бедного дяди Арти два года назад. И если я чему-то и научилась с тех пор, так это тому, что молитвы не спасут меня от гнева тети.

Единственной моей надеждой оставалась магия.

Держа нить зажатой между пальцами, я подавила всхлип и разгладила страницу лежавшей на ковре книги. Мой дрожащий палец скользил по строчкам печатного текста, словно по пунктирной линии на карте, что могла указать путь к спасению.

Я ловила каждый малейший звук, страшась услышать в коридоре глухой стук трости тети Леноры. Но пока доносился лишь привычный шум Уимпол-стрит за окном: пересуды светских дам, цокот копыт лошадей, тащивших экипажи по булыжнику – почти с таким же грохотом, с каким стучало мое сердце; выкрики газетчиков, лай соседской белой собачонки, гавкающей на каждого прохожего...

Я перелистывала страницы вспотевшими ладонями, пробегая глазами диаграммы и инструкции: перекрещивающиеся нити, вышивка, обретающая форму, странная геометрия, сулящая ужасную и чудесную силу. На каждой странице тайлось новое заклинание, а поля заполнял аккуратный почерк дяди Арти, который оставлял там заметки и предостережения.

Вот оно! Я с торжествующим возгласом хлопнула по странице.

Заклинание для починки разбитой керамики. Идеально. И это была «колыбель для кошки» – самый быстрый вид заклинания в магии прядения. Никаких игл, пялец или ткани не требовалось.

Нужны были лишь ловкие быстрые пальцы, а у меня их как раз десять.

Из коридора донесся скрип.

Я замерла, сердце пропустило удар. От страха в животе сжался тугий холодный комок, а в ушах бешено пульсировало. Пальцы сами потянулись к синякам на руках – позеленевшим, но все еще страшным.

Я уставилась на дверь и заметила узкую щель, которую по неосторожности оставила, когда час назад проскользнула внутрь. Надо было ее закрыть. Мне не верилось, что я допустила такую оплошность.

Но дверь так и оставалась приоткрытой, и больше никаких звуков не доносилось. Все еще оцепеневшая от страха, я

вернулась к книге, нитке и разбитому фарфору.

Руки дрожали. Я откусила нужную длину нити, завязала ее петлей и натянула между пальцами.

– Крест-накрест, петля, накинуть, – бормотала я, начиная плести «колыбель для кошки», перебегая взглядом от пальцев до инструкции в книге заклинаний. – Быстрее, быстрее...

Тик-тик-тик. Часы что, ускорили ход? На запястье заныли круглые белые шрамы от старых ожогов, словно предупреждая об опасности. Мне почудилось или в воздухе витает запах трубки тети Леноры?

Я должна была все исправить. И исправлю. Магия могла исправить что угодно.

Магия – вот о чем я думала, когда, отмывая картошку, витала в облаках. Зачарованные «колыбели для кошки» и сплетенные шестиугольники – вот что я рисовала, когда должна была помогать кухарке пересчитывать запасы в кладовой. С тех самых пор, как я нашла в библиотеке дяди Арти ту первую книгу заклинаний – в те короткие, счастливые месяцы перед его смертью, – я не могла перестать о ней думать.

После того как дядю забрала лихорадка, тетя Ленора велела заколотить его кабинет. Но я, непослушная и проворная, прежде успела стащить несколько книг с его полок. Учения по магии были спрятаны по всему дому, и только я знала, где искать. Эту – *«Вестминстерское руководство по прядению»* – я спрятала прямо здесь, в библиотеке, у тети Ле-

норы под носом. Это казалось уместным, ведь только здесь, в этом уголке дома, в полдень можно было услышать звон величественных колоколов Вестминстерской школы прядения. Почти каждый день я садилась на это самое место, закрывала глаза и представляла себя одной из учениц, постигающей искусство создания зачарованных гобеленов на огромных станках.

Но именно мечтания и завели меня в эту передрагу. Мне следовало следить за локтями, а не гнаться за распоясавшимся воображением.

Вскоре я закончила плетение, и оно повисло у меня между руками, словно паутинка. На солнце белые нити отливали золотом. Только вот сплести узор – лишь первая часть заклинания. Придать нитям форму – это одно; любой может орудовать иглой или завязывать узлы. Но лишь пропуская живую энергию сквозь нити, ты наполняешь их магией, и шерсть, лен и хлопок обретают силу. А узоры, что ты плетешь, вышиваешь, вяжешь или наматываешь, превращают эту силу в заклинания. По крайней мере, так мне когда-то объяснял дядя Арти.

Медленно выдохнув, я закрыла глаза и отключила все чувства, кроме одного – того странного, сокрытого чувства, что позволяло мне соединяться с живой энергией вокруг. После мгновения безмолвного поиска я ее ощутила: она гудела в лепестках фуксии и листьях аспидистры в гостиной тети Леноры; пульсировала в плуще, что цеплялся за внешнюю сте-

ну дома; струилась в прожилках шпината и капусты, сложенных на кухне двумя этажами ниже.

На мое прикосновение энергия откликнулась, потянувшись ко мне яркими усиками, словно любопытный котенок, которого выманивают из-под шкафа. Я осторожно вобрала ее в себя и, словно шерсть на веретено, намотала на свое бешено колотящееся сердце. *«Сердце – ключ, – говорилось в „Книге Мойр“, которую я прятала под половицей в кладовой. – Именно этот орган позволяет прядильщику вбирать энергию, превращать ее в магию и направлять в нить через кончики пальцев»*.

Все мое тело покалывало, волосы на руках встали дыбом. Магия потрескивала в костях и искрилась на языке. На вкус она была как лед: колючая и свежая, пробуждающая каждый уголок сознания. Ощущение немного напоминало тот раз, когда я глотнула краденого бренди у кухарки и меня словно молнией поразило.

Никогда я не чувствовала себя более живой, более яркой, более могущественной, чем когда творила магию. Как бы я хотела чувствовать себя так всегда. Тогда тетя Ленора не посмела бы и пальцем меня тронуть. Я бы ей не позволила.

Но я не могла удерживать энергию в себе, иначе разорвалась бы, как уголек, трескающийся в пламени.

Я позволила ей вытекать из кончиков пальцев в натянутое между ними плетение. Нить засветилась золотом, озарив всю библиотеку. От кресел, дивана и деревянного глобуса на

подставке взметнулись пугающие тени. Мое заклинание светилось так ярко, что на него почти невозможно было смотреть.

Возможно, Мойры меня слышали, потому что все случилось. Осколки заскользили по ковру, складывая свои зазубренные края, словно пазл, умело собирающий сам себя.

Едва из меня вырвался вздох облегчения, как переплетенные нити обратились в пепел. Я осторожно смела его в сигарную коробку, припасенную специально для этой цели; позже я непременно вытряхну пепел в камин.

Но внезапный удар двери библиотеки заставил меня вздрогнуть, коробка выпала из рук и врезалась в кучу все еще шевелящихся осколков. Из-за этого заклинание разрушилось, и обломки снова рассыпались по ковру, теперь вперемишку с пеплом.

– Тетя! – воскликнула я.

На пороге стояла тетя Ленора с длинной трубкой в пальцах, сумочкой на запястье и взглядом, напоминающим кремень. Платье на ней было черным, как и вся одежда, которую она носила со смерти дяди Арти два года назад.

Наши взгляды встретились, и мои кости обратились в лед. Она возвышалась надо мной, как оживший кошмар. Даже для взрослой она была очень высокой.

– Ты крыса, – прошипела она.

Я вскочила на ноги и рванулась за диван. Ужас сдавил легкие, мешая дышать.

– Это что, ваза моей матери? – произнесла тетя Ленора, медленно приближаясь.

Бежать мне было некуда, ведь она преградила путь к двери.

– И это что, одна из книг заклинаний моего покойного мужа? К которым я *строжайше* запретила тебе прикасаться?

– Я... я могу все объяснить! Это была случайность!

– Ничему не научилась в прошлый раз, да?

Тетя Ленора размахивала трубкой. К курению она прирастилась после смерти дяди Арти, и теперь я редко видела ее без одной из этих мерзких дымящихся штук. Дым щипал глаза и заставлял кашлять.

– Магия не для таких, как ты, девочка. Твоя душа слишком порочная. Твое сердце слишком гнилое.

– Неправда! – выкрикнула я. – Я хочу магии. Я имею на нее право, как и все!

Катушка ниток все еще была зажата в моей руке. Я поспешно отмотала немного.

– Нет, не имеешь! – прошипела тетя Ленора.

Она ударила меня трубкой, и раскаленная чашечка обожгла нежную кожу на горле. Шею охватила боль, и я начала задыхаться от горького запаха табака и горелой плоти. Закричав, отпрянула в сторону и врезалась в книжную полку, отчего книги с грохотом посыпались на пол. Пошатываясь, я пыталась разглядеть дверь сквозь мелькающие в глазах искры.

– Маленькая убийца! – Тетя Ленора пнула меня, и я с плачем рухнула на пол, свернувшись калачиком. Теперь-то уж весь дом наверняка нас услышал; слуги замерли за работой с широко раскрытыми глазами и плотно сжатыми губами. Но никто не придет мне на помощь. Они видели, что бывает с теми, кто пытается.

– Ты заслуживаешь куда худшего, – сказала тетя Ленора, останавливаясь, чтобы перевести дух. – Ты отняла у меня любовь всей моей жизни!

– Я тоже любила дядю Арти, – всхлипнула я.

– Потаскушка! Как ты смеешь произносить его имя?

Она снова замахнулась трубкой, на этот раз целясь мне в щеку, но я оказалась быстрее. Я вскочила на ноги и бросилась к двери, а в руках у меня уже было плетение, которое мне наконец удалось закончить.

Направляя энергию в нить, я выскочила из библиотеки, развернулась и захлопнула дверь ногой. Заколдованный узел в моих руках вспыхнул ослепительно-белым, и дверь полностью исчезла.

Это было всего лишь заклинание иллюзии. Через несколько минут тетя Ленора нащупает дверную ручку и выберется; я должна была использовать то небольшое время, что у меня оставалось.

Соппротивление всегда делало ее вдвое злее, а использовать против нее магию я никогда прежде не решалась. Не хотелось даже думать, какими будут последствия такой дер-

зости.

Прихрамывая, я побежала по темному коридору, ловя ртом воздух. Резкие пинки пришлись на синяки от прошлого наказания, и теперь они горели с новой силой. Мне приходилось останавливаться через каждые несколько шагов, чтобы всхлипнуть и собраться с силами. Ожог на шее пылал.

Удары в дверь библиотеки звучали как стук ожившего мертвеца, пытающегося вырваться из гроба. Сколько времени пройдет, прежде чем тетя Ленора найдет ручку?

Из-за паники в конце коридора я свернула налево вместо того, чтобы бежать направо, к лестнице, и оказалась в тупике. Здесь не было ничего, кроме обшитых деревянными панелями стен.

Затем из дальнего конца коридора донесся грохот и голос тети Леноры:

– Ты дорого заплатишь за этот фокус, маленькая ведьма!

– Я не ведьма, – пробормотала я, отчаянно оглядываясь. – Я прядильщица.

Я прижалась к стене, надеясь, что в темноте мою маленькую фигурку не заметят. Пальцы нащупали тонкие трещины в деревянной обшивке.

Трещины, расположенные слишком равномерно, чтобы быть случайными. В дереве был вырезан узор, и он словно шептал: «Сюда, сюда!»

Я попыталась не думать про звук шагов, приближающихся по коридору, и запах табачного дыма, что уже полз в мою

сторону. Боясь кашлянуть и выдать себя, я закрыла рот и нос ладонью. На мгновение ужас поглотил мои мысли, но я крепко зажмурилась и оттолкнула его прочь.

Мои пальцы скользили по трещинам, образующим простенькое скрывающее заклятие. Когда я нашла центр узора и надавила, раздался тихий щелчок. Деревянная панель бесшумно сместилась внутрь. Дыхание застряло у меня в горле.

Я осторожно отодвинула ее в сторону, открыв узкий лаз, и не раздумывая нырнула внутрь и тут же вернула панель на место.

Я ползла вперед, пока не почувствовала, что потолок прохода поднялся и можно встать. Пространство было теснее и холоднее сердца тети Леноры. Должно быть, я оказалась прямо внутри стен дома. Я сдержала вскрик. Казалось, они сжимаются, чтобы раздавить меня.

Проход вел мимо комнаты, где две тетины горничные гладили простыни. Сквозь стену доносились их тихие перешептывания, и я замедлила шаг. Помогут ли они мне или сразу же выдадут? Я уже собиралась постучать в стену и позвать на помощь, как они заговорили.

– Может, стоит что-то сделать? – спросила младшая служанка Мэри, недавно поступившая в дом.

– Попробуй, – ответила старшая, Лилиан. – Кончишь как твоя предшественница. Хозяйка вписала ее в черный список за то, что та заступилась за девочку. Пришлось ей уплыть на континент, потому что в Англии ее больше никто не брал

на работу.

При воспоминании о бедной Бесс на глаза навернулись слезы. Она смело заступилась за меня в тот день, когда я получила шрамы на запястье. Никому это не принесло ничего хорошего.

Я с содроганием пробралась мимо горничных, пытаюсь вспомнить, какая комната идет дальше. Помощи ждать было не от кого. Они тоже боялись. Весь дом пропитался страхом, словно сочащейся из стен водой. Я в нем *тонула*.

Мне внезапно перестало хватать воздуха. В отчаянии ударила рукой о стену и почувствовала, как под ладонью поддалась еще одна панель. Она открыла потайную дверцу. Я с криком провалилась внутрь, в темное, пропахшее сыростью пространство, и приземлилась на толстый ковер, от которого пахло кедром, нитками и бумагой.

Сердце пропустило удар. Я помнила этот волшебный запах даже спустя годы.

Я оказалась в кабинете дяди Арти.

С тех пор как я была здесь в последний раз, прошло два года. Тогда он был еще жив и часто делился со мной книгами заклинаний и нитками, надеясь, что я тоже научусь направлять энергию. В планах было отправить меня в школу Мойр, где можно было бы как следует научиться прясть и чего-то добиться в жизни.

Вытерев слезы тыльной стороной ладони, я медленно обернулась, окидывая взглядом комнату, полную горь-

ко-сладких воспоминаний.

За это время здесь ничего не изменилось. Одно зарешеченное окно выходило на улицу, пропуская достаточно света, чтобы можно было разглядеть темно-красные стены, книжные шкафы и огромный письменный стол. На дальней стене над камином висел портрет дяди Арти. На нем он выглядел добрым. В одной из его рук виднелась катушка ниток, а на груди сверкала медаль, которую король Георг вручил ему за выдающуюся службу в ордене Телариев, где он плел защитные барьеры против французов в битве при Александрии¹. Он любил рассказывать мне эту историю. Как такой хороший человек мог жениться на ком-то вроде тети Лены, я не понимала.

Медленно передвигаясь, я обнаружила, что стол завален теми самыми книгами заклинаний, к которым мне было запрещено прикасаться. Даже сознавая неприятности, которые меня ждали, если тетя Лена найдет меня здесь, я не могла сдержать прилива волнения, прикасаясь к этим удивительным фолиантам. Сколько же чудесных заклинаний в них таилось – заклинаний, которые могли защитить меня, сделать сильнее, освободить?

И тут я осознала, что больше не слышу шагов.

Но под запертой дверью, в узкой полоске солнечного света, шевельнулась тень.

---

¹ Битва при Александрии – сражение, произошедшее 21 марта 1801 года между Первой французской республикой и Британским экспедиционным корпусом.

Мое сердце замерло.

– Ох, Роуз. На этот раз ты зашла слишком далеко.

Я услышала треск ломающегося дерева: тетя Ленора вырывала одну из досок, забитых поверх двери.

Осторожничать больше не имело смысла. Я распахнула ставни, и комнату залил свет. Тетя Ленора тут же издала пронзительный вопль.

– Ну давай! – кричала она. – Тронь хоть что-нибудь, и клянуть, тебя повесят за воровство!

Я в отчаянии листала книги, выхватывая взглядом все, что только могла. Тут были тома по целительной магии, боевой магии, даже по опасной, запретной магии. Некоторые были такими тяжелыми, что поднять их мне удавалось только двумя руками.

Когда я потянулась к старой, потрепанной книге в мягком кожаном переплете, та замерцала и ужалила меня за палец. Я с визгом отдернула руку. Засунув ужаленный палец в рот, я прищурилась, разбирая потускневшее название.

«Книга ведьм пустошей».

Про ведьм пустошей я уже слышала. Они были первыми прядильщицами в Англии, дикими женщинами, которые, как говорили некоторые, научились магии у фейри. Они были невероятно могущественными и сражались с римскими захватчиками заклинаниями, которые сегодня мало кто способен применить. Некоторые истории даже рассказывали, как они перемещались с места на место в мгновение ока. Как

бы мне такое пригодилось!

Кто-то – дядя Арти? – запечатал книгу сложным охран-ным узлом, аккуратно обвив нити вокруг обложки. Узор за-вораживал. Это была сложная вязь, которая захватывала ра-зум и выворачивала его наизнанку. Казалось, у узла не было ни начала, ни конца.

Но, сколько я себя помнила, узоры всегда что-то мне на-шептывали. Будь то магический узел с иллюстрации, про-жилки на листе или танец муки в сите, когда кухарка его встряхивает, – узоры имели смысл. Они рассказывали мне свои секреты, словно жаждали быть понятыми.

И этот не был исключением. Я пристально вглядывалась в него, мысленно прослеживая линии, вода по ним невиди-мыми пальцами, закручиваясь по спирали снова и снова, по-ка...

Вот оно!

Я нашла скрытую нить, запрятанную под узором, которая распутывала все плетение разом. Защитная печать исчезла.

Я с усилием раскрыла книгу в тот самый момент, когда тетя Ленора сорвала с двери еще одну доску.

Страницы пожелтели, а шрифт так выцвел, что я едва мог-ла его разобрать. Книге, должно быть, было сотни лет. Дядя Арти не оставил записок на полях; полагаю, ему никогда не требовалась такая запретная магия.

Несмотря на все попытки тети Леноры оградить меня от знаний о магии, я кое-что знала о законах прядильщиков.

Некоторые заклинания могли отправить тебя в тюрьму. За другие тебе могли раздробить руки камнями.

Но за многие заклинания из этой книги полагалась смертная казнь.

Я замешкалась, содрогаясь от жестоких иллюстраций на страницах. Мне не следовало держать такое в руках. Мне не следовало даже знать о существовании подобной магии. Чувство вины извивалось змеей в животе.

Но очередной грохот в коридоре заставил меня вздрогнуть. Сколько еще досок оставалось на двери? Четыре? Пять? У меня были считанные минуты, чтобы найти способ спастись. В других книгах искать было некогда. Страх победил чувство вины. Я продолжила листать страницы.

Я не нашла секрета, как перенести себя в какое-нибудь далекое убежище. Вместо этого здесь были заклинания, чтобы остановить сердце, перекрыть дыхание, превратить внутренности в змей. От этих образов меня била дрожь, и я начала терять мужество. Я не смогла бы совершить ничего подобного даже с тетей. Неудивительно, что дядя запечатал эту книгу.

Но затем я нашла одно, не столь ужасное: «Заклинание для призыва бессмертного защитника».

Звучало многообещающе.

Я подняла глаза: дверь начала содрогаться. Тетя Ленора уже почти ее открыла.

С бешено колотящимся сердцем я пробежала глазами ин-

струкции к заклинанию, пропуская вступление о цене подобной магии и сразу перейдя к сути: какие нити куда должны идти.

Это было сложное плетение, никакая не простая «колыбель для кошки». Оглянувшись, я заметила на стене пробковую доску дяди Арти. Деревянная, круглая, с двумя дюжинами колышков по периметру, она предназначалась для сложных заклинаний.

Я сняла ее и принялась за работу.

Нить скользила в моих потных пальцах, и короткий кусочек оборвался. Я использовала его, чтобы завязать свои каштановые волосы, ставшие влажными от пота. На другом конце комнаты дверь содрогалась под ударами – доски, прибитые поверх нее, трескались и ломались.

Я плела так быстро, как только могли двигаться пальцы. Сработает ли это заклинание вообще? Достаточно ли я сильна, чтобы наполнить его энергией? Какого именно бессмертного защитника оно призовет?

Несмотря на множество оставшихся без ответа молитв в прошлом, я взывала к Мойрам, благословенным Мойрам: Клото, Лахесис, Атропос. Прядильщицам жизни и определительницам смерти, наблюдающим за человечеством через свои великие станки.

– Помогите мне, – прошептала я. – Пожалуйста, пошлите ангела, пошлите демона, мне все равно. Просто спасите меня, умоляю!

Через мгновение плетение было готово. Узор напоминал закручивающуюся спираль, иллюзию, уходящую в бесконечность. Я смотрела на него, пока звук ключа в замке не вырвал меня из оцепенения. Она, должно быть, сорвала все доски.

Мое время вышло.

Положив ладонь на нити, я сделала долгий выдох и направила энергию.

На этот раз пренебрегая осторожностью.

Я вытягивала энергию из растений в гостиной, чувствуя, как они вянут и буреют. Вырывала ее из плюща, из овощей в кладовой, из мха в трещинах стен. В отчаянии я почти потянула ее из Лео, старого ворчливого кота тети Леноры, но, содрогнувшись, обошла его стороной. Это была темная магия, к которой я не прикоснусь, даже чтобы спасти собственную жизнь.

Пожалуйста, пусть этого хватит, пожалуйста, пусть этого хватит, пожалуйста...

Я ахнула, когда узор из нитей вспыхнул ослепительно-белым так ярко, что мне пришлось отвести взгляд. Комнату наполнил воющий ветер, который срывал книги с полок и швырнул портрет дяди Арти на пол. Вскрикнув, я нырнула за стол. На губах появился вкус пепла – нити рассыпались, и их смел неземной вихрь.

И затем все вдруг замерло.

Ветер стих, умолк и шелест страниц. Меня колотила дрожь, в глазах щипало от слез, а шея все еще горела огнем

там, где ее коснулась трубка. Мучительницы не было слышно. Неужели дверь открылась? Я опоздала? Оставалось только ждать, дрожа в этой оглушительной тишине, такой глубокой, что я уже спрашивала себя, не оглохла ли. Тени сгустились, словно ночь, устав ждать, разом рухнула с небес, погасив солнце.

Наконец, спустя долгое мгновение, я подняла голову и издала долгий дрожащий вздох.

И почувствовала, как мне на плечо легла чья-то холодная рука.

Глава 1

Двенадцать лет спустя

– Чтобы изменить судьбу, порой достаточно одной лишь нити, – тихо произнесла я.

Достав из кармана катушку, я медленно ее размотала. Шерстяная нитка цвета золотарника, грубая и потертая от долгого использования, обвилась вокруг пальца.

– Магия, – продолжала я под заворуженным взглядом дюжины девочек и четверых мальчиков, – великий уравниватель. Мы, быть может, всего лишь маленькая благотворительная школа, но магия, что мы можем сплести, столь же истинна и сильна, как у величайших прядильщиков Англии или даже всего мира. Магия – наше право. Это сила, которую никто не может у нас отнять.

Мои пальцы изгибались и скользили, сплетая нить в узоры, знакомые мне как стук собственного сердца. Вокруг и поверх, сквозь и под нити натягивались и занимали свои места, и, закончив узор, я направила магию через кончики пальцев.

Сердце сжалось в болезненном спазме.

Когда в груди закололо, я подумала: *Нет. Только не снова.*

Превозмогая головокружение и боль, я заставила себя собраться и направила энергию в «колыбель для кошки». Нить начала светиться.

Ученики привстали за партами, сжимая в руках свои катушки и широко распахнув глаза. Это младший класс, большинство только начинали постигать магию прядения. Но они быстро научатся. Мои ученики всегда быстро схватывали; все они – выжившие, изгои и отверженные, которым приходилось бороться и сражаться за каждый день, за каждую горбушку хлеба, за каждый теплый уголек в зимнюю стужу. Казалось, совсем недавно я сама сидела среди них – в бесформенном коричневом платье, с распустившимися косами, – отчаянно жаждущая магии, которую плела для нас наша учительница, строгая старая сестра Элизабет.

Большинство этих детей сами станут учителями. Девочки – гувернантками у детей побогаче, немногие мальчики – военными. Они передадут все, чему я их учу: вышивки и переплетения, узлы и узоры. Им предстоит скромная жизнь, но по крайней мере, с магией под рукой у них будет шанс. Как и я сама, без магии они были бы ничем. Брошенными созданиями в мире без любви, вышвырнутыми на самое дно. Магия – единственная их надежда, равно как и моя.

Когда магический узел был завершен и симметричная сеть раскинулась у меня между ладоней, магия высвободилась, и с потолка начал падать снег. Дети радостно закричали, вскочили на ноги и подняли руки. Снежинки таяли у них

на ладонях, и они с восторгом слизывали прохладную воду.

Чтобы скрыть дрожь в руках и слабость в коленях, я тихо прислонилась к стене. Сердце в груди сжималось с неммым укором, и, прежде чем осмелиться поднять голову, я дождалась, пока пульс успокоится.

– Сестра Роуз?

Я взглянула вниз, на кудрявую голову передо мной. Каролина. Одна из новеньких. Она потянулась и ухватилась за край моего передника. Снежинки обрамляли ее личико, цепляясь за нежные прядки рыжеватых волос у висков.

– С вами все в порядке? – спросила она.

– Конечно, – солгала я.

– Опять сердце?

– Все будет хорошо. Возвращайся на место, дорогая.

Она вприпрыжку пошла назад. Я выпрямилась и попыталась улыбнуться, но тут услышала шаги позади. Обернувшись, я увидела в дверях сестру Агату. Она смотрела на меня, и в ее серых глазах читался укор.

– Сестра Агата! – окликнула я ее, ненавидя отчаянную нотку в собственном голосе. – Минутку!

Но она уже ушла. Я успела заметить, как на ее губах застыла жестокая усмешка.

Я не могла бросить класс, чтобы побежать за ней, хотя ледяной ужас уже впился ножом в живот. Сколько она успела увидеть? О чем она теперь думает?

– Все в порядке, – прошептала я. – Все в порядке.

Вернувшись к классу, я успокоила детей и отправила всех по местам. Лица у них были раскрасневшиеся, глаза сияли. Они уже вытаскивали свои пальцы и начищали иголки. Усердно следуя указаниям, дети проворно вдевали иглы в натянутый на пальцах муслин и выводили обратно. Это были еще не заклинания, просто базовые стежки, которые они позже соединят в настоящие магические узоры. Я ходила между рядами парт, поправляя их работу. Маленькие пальцы ловки и быстры – сказываются и юношеская гибкость, и живой ум. Комнату наполнил мягкий, успокаивающий звон иголок о наперстки.

Дверь в класс отворилась, и в комнату вошла круглолицая женщина с румяными, как яблочко, щеками; ее юбки и плотно облегающий чепец были покрыты вышивкой. Я выпрямилась, а дети все разом вскочили на ноги, застыв в почтительном поклоне перед своей настоятельницей.

– Доброе утро, матушка Бригитт, – затагнули дети, и я по привычке забормотала вместе с ними, словно снова стала девятилетней девочкой, втиснутой в один из этих крошечных стульев.

– Сестра Роуз Прайор, – произнесла она, сияя улыбкой. – Не присоединитесь ли вы ко мне в моем кабинете? Сестра Агата подменит вас на занятиях до конца дня.

У меня внутри все упало. В комнату бесшумно проскользнула сестра Агата, бросив мне быструю ехидную улыбку. Выходя из класса и прижимая руку к бешено колотившемуся

сердцу, я даже не удостоила ее взглядом.

Словно осужденная, я проследовала за матушкой-настоятельницай в ее кабинет. По левой стене коридора тянулся ряд небольших запотевших окон, выходящих на хаотичную сутолоку Пай-стрит. Там толпились нищие, воры и отчаявшиеся души: одни приходили выпросить каплю магии, другие – кусок хлеба, третьи преследовали куда более темные цели. Благотворительная школа Перкинс ютилась в тени своей старшей и куда более престижной сестры – Вестминстерской школы прядения, с ее знаменитым аббатством и угрюмыми сестрами, что сидели за станками, вплетая в узоры молитвы Мойрам. Те, кому не находилось милостыни там, часто прибывались к нашему порогу. И как присягнувшие последовательницы ордена Мойр, мы с сестрами обязаны были помогать им, как только можем.

На мгновение мой взгляд зацепился за высокого мужчину, прислонившегося к стене кабака напротив. Его взгляд скользил по зданию школы, а глаза были бледными, как снег.

В груди кольнуло. Я судорожно вдохнула и ухватилась за подоконник.

– Сестра Роуз, – позвала настоятельница из дверей своего кабинета. – Прошу вас.

Я взглянула на нее, но не смогла вымолвить ни слова. Кровь отхлынула от лица, оставив сердце биться где-то за ребрами.

Это не может быть он. Это невозможно.

Я снова выглянула в окно и увидела, что мужчина исчез. Или, скорее всего, его там и не было.

Прошло двенадцать лет, напомнила я себе. Он не вернется.

Но, переступая порог кабинета матушки Бригитт, я с трудом переводила дыхание. В комнате было прохладно, несмотря на слабый огонь в почерневшем камине. Но этот холод ничто по сравнению с леденящим ужасом, охватившим меня при мысли, что я могла мельком увидеть это лицо – красивое, жестокое, невозможное лицо.

Он не вернется.

Каменные стены кабинета настоятельницы, казалось, сдвигались, нависая надо мной; грубые старинные балки, поддерживавшие низкий потолок, отчаянно нуждались в лакировке. Комната выглядела опрятной, но повсюду высились ящики с нитками и муслином, пяльцами и сломанными станками – все пожертвованное, все потрепанное и требующее починки. По меркам школ ордена Мойр, наше заведение было одним из самых маленьких и бедных и существовало лишь за счет благотворительности.

Матушка Бригитт сидела у камина на своем жестком деревянном стуле. На воротнике поблескивал вышитый серебряной нитью узел-трилистник – символ нашего ордена и знак ее сана. Три петли символизировали трех Мойр, бесстрастно наблюдающих за нами из-за своих небесных станков.

Трилистник на моем воротнике был вышит простой синей

шерстью, но он был для меня драгоценнее золота.

– Напомните, сколько вам было, сестра Роуз, – начала она, – когда вы пришли в орден Мойр?

– Восемь, – тихо ответила я. – Сразу после того, как мою тетю поместили в лечебницу.

– Ах да. И сестры привели вас сюда, в школу Перкинс. Вы жили на подаяния, как и другие наши скромные ученики.

Я кивнула, чувствуя, как горят щеки. Над ее креслом висел выцветший гобелен с изображением Мойр за станками. Я попыталась отвлечься, следя взглядом за их знакомыми фигурами. Светловолосая Клото вытягивала из своего веретена нить, которую отмеряла темноволосая Лакесис. А иссохшая Атропос, в черном платье и вуали, нависала с ножницами в руках, готовая в любой миг перерезать нить какой-нибудь беспечной жизни. Выражение ее лица было спокойным, но решительным.

Из трех богинь лицо Атропос всегда завораживало меня больше всего. Сегодня я почти чувствовала ее дыхание у себя на затылке, и тело напряглось в ожидании решения. Оборвут ли эти ножницы мою нить?

– Вы были большим благословением для нашей школы, – продолжала матушка Бригитт. – Именно поэтому мне так горько слышать, что ваш недуг не проходит.

Я перевела взгляд на лицо настоятельницы.

– Благодарю за заботу, матушка, но, уверяю вас, я в порядке.

– Боюсь, сестра Агата свидетельствует об обратном. Я уже в третий раз вынуждена говорить с вами об этих болях в груди.

Она изучала меня, хмуря брови.

– Они случаются, только когда вы направляетесь магию?

Я сжала губы, подавив бесполезный протест.

– Да.

– И начались они?..

– Год назад, матушка.

Как я уже говорила ей прежде и как она, несомненно, помнила. На самом деле я ощущала их и раньше, но до определенного времени мне удавалось игнорировать боль. Меня вдруг охватило желание начать доказывать ей, что мое положение не столь ужасно, как ей может казаться.

– Моя магия никогда не была особо сильна. Но я с лихвой компенсировала это учебой. Я была первой в классе, кто запомнил все пятьсот восемьдесят узлов «Ньютоновского канона». Я была единственной, кто справился с Гордиевым узлом.

– И тем не менее, – сказала матушка Бригитт, постукивая пальцем по подбородку, – ваша магия угасает.

Я покраснела, опустив глаза на руки.

– Я все еще могу сплести почти все, что пожелаете.

– Тогда сделайте это.

– Прошу прощения?

Матушка настоятельница улыбнулась.

– Сплетите для меня. Сейчас. Вы ведь знаете все пятьсот восемьдесят ньютоновских узлов. Попробуйте, скажем, номер двести четвертый.

– Это я смогу.

Я кивнула, обретая уверенность. Ньютоновский узел номер двести четыре – это «колыбель для кошки», мой конек. Я положила полено из корзины с дровами на камин, намереваясь расколоть его надвое, ведь Ньютон двести четыре – заклинание расщепления.

Горчично-желтая нить разматывалась с легким шелестом. Я откусила зубами нужную длину, связала ее в широкую петлю и пропустила между пальцами. Волокна легли в промежутки, натянутые и вибрирующие, словно жаждавшие начать.

Один вдох – чтобы унять нервы.

Еще один – успокоить пальцы.

И затем я начала.

Плетение давалось мне легко и быстро. Узел был сложным, но это меня не пугало. В нем сорок один шаг, но уже за считанные секунды я дошла до середины. Между моими руками формировалась сеть, то ослабевая, то натягиваясь по мере того, как я плела все быстрее и быстрее. Матушка Бригитт согласно кивала, следя глазами за каждым моим движением. Но, как бы искусна ни была моя работа, я знала: оценивает она не это. Эта часть никогда не составляла мне труда.

Исполнение заклинания состояло из двух шагов – сначала

плетение, затем магия. Сперва нужно было создать границы заклинания, узор, который оно примет, а затем наполнить его энергией, чтобы оживить. Нить жаждала быть сплетенной, она подгоняла меня, и мои пальцы двигались едва ли не быстрее мысли, повинувшись глубокому инстинкту, жившему во мне с детства. Еще маленькой девочкой я могла увидеть плетение один раз и в точности повторить его на следующий день. У меня был талант к узорам, и слава Мойрам, иначе я бы никогда не справилась с учебой. Пожалуй, я слукавила, сказав, что моя магия никогда не была сильна.

Просто еще годы назад я научилась творить с глотком магии больше, чем иные с полной чашей.

Когда все было готово, я замерла; яркий луч, пронзивший витражное окно, озарил магический узел и превратил желтые волокна в золото. Пылинки медленно опускались сквозь геометрические промежутки в плетении, сверкая в солнечном свете.

– Аккуратно сделано, – сказала матушка Бригитт. – Но в вашем мастерстве, впрочем, никогда не было сомнений. Пожалуйста, продолжайте.

Я замешкалась, сделав несколько глубоких вдохов, и приступила ко второй стадии. Но с каждым вдохом и выдохом мое сердце билось все чаще, трепыхаясь, как пойманная моль.

Не испорти все, Роуз.

Не саботируй сама себя.

Ты же пережила два года мучений от тети и двенадцать лет изнурительных уроков и бесконечной практики не для того, чтобы теперь споткнуться.

Я вспомнила любимую первую строку «Вестминстерского руководства по плетению»: *«Чтобы изменить судьбу, порой достаточно одной лишь нити».*

Я закрыла глаза, выдохнула в последний раз, а затем открыла внутри себя все каналы, шлюзы и пути и потянулась.

Живая энергия пульсировала в папоротниках, расставленных за столом настоятельницы. Она струилась в плюще, обвивавшем внешнюю стену. Она бурлила во мхе меж брусчатки двора. Даже здесь, в самом сердце Лондона, среди камня и кирпича, жизнь была ключом. И, отозвавшись на мое прикосновение, она потянулась ко мне в ответ, живая и любопытная. Я вбирала ее, обвивая свой разум, будто наматывая шерсть на веретено, и собрала в отдельные пряди.

Но этого оказалось мало.

Сердце уже сжималось от боли. Это словно пытаться вдохнуть, когда чья-то рука сжимает горло. Я тянусь, чувствую энергию вокруг, но не могу вобрать достаточно. Кожа покрылась липким потом; если мне суждено провалиться испытание, тот вот он, момент провала. На этом все всегда и рушится.

Не в этот раз.

Не в этот раз, умоляю, Мойры!

Открыв глаза, я выдохнула и попыталась направить ту скудную энергию, что удалось собрать, в натянутую между

ладонями нить. Магия хлынула из сжимающегося сердца, выжигая меня изнутри.

На мгновение кончики пальцев вспыхнули светом, который перекинулся на нить.

А затем свет погас.

Внутри все сжалось от паники. Нет, нет, *нет!*

Я отчаянно схватилась за расплзающиеся пряди энергии, но было уже слишком поздно. Они разорвались, словно паутина на ветру, и магия высвободилась из меня беспорядочным вихрем, пронесшимся по кабинету. Бумаги на столе взметнулись вверх, а пепел в камине поднялся облаком, заставив матушку Бригитт закашляться.

Она достала свою нить и быстро сплела успокаивающее заклинание, которое вернуло пепел обратно в камин, словно обратив время вспять. В этом хаосе я дрожа опустилась на колени.

– Я могу попробовать снова, – прошептала я. – Если немного подождать, все получится.

Я подняла взгляд на матушку Бригитт. Она, должно быть, увидела в моих глазах неприкрытое отчаяние, потому что лишь вздохнула и покачала головой, откашливаясь в платок.

– Сестра Роуз, мне жаль.

Грудь сжалась, перехватывая дыхание.

– Жаль?

– Жаль вас. Нашу школу, которая так много потеряет. Нельзя отрицать, что вы необычайно искусны в технике. Дав-

но у нас не было столь способной учительницы. Но даже самые изящные плетения в мире бесполезны, если вы не можете наполнить их магией.

– Но я *могу*, – прошептала я.

Это пройдет. Непременно должно пройти. Я не из тех, кто высоко метит. Я не мечтаю вышивать для королевы или сражаться в рядах Телариев. Не стремлюсь сидеть за станком в Вестминстерском аббатстве. Я просто хочу учить. Помогать таким же девушкам, как я, найти свою дорогу в жизни. Только этого я всегда и хотела.

– Прости, дорогая.

Матушка Бригитт поднялась. Голос ее был тверд, но жалость в глазах оказалась страшнее любой боли. Так смотрят на пациента, когда болезнь оказывается серьезнее, чем он смел предположить.

– Боюсь, у меня нет выбора, кроме как...

– Мне просто нужно время! – выпалила я, прежде чем она успела произнести самые страшные слова. – Отдохнуть, восстановиться. Пожалуйста, матушка.

Она сжала губы, словно борясь с собственной совестью. Я застыла, впившись взглядом в ее лицо, не смея дышать в ожидании решения. Глаза ее, глубоко сидящие в сетке морщин, смотрели цепко и ярко. Я держала спину прямой, изо всех сил стараясь не выдать отчаяния. Но лгунья из меня निकудышная.

– Эта школа – мой дом. Вся моя жизнь.

В немой мольбе я сложила руки на коленях ладонями вверх. На запястье, где задрался рукав, блеснул маленький белый шрам.

– Время, значит, – наконец сказала она, и мои веки дрогнули от облегчения. – Годичный отпуск. Однако, если боли после этого не пройдут, боюсь, мне не останется выбора, кроме как исключить вас из ордена.

Я сглотнула подступивший к горлу ком. *Год*. Я рассчитывала на неделю, месяц от силы, но *год*... И все же это лучше альтернативы – быть исключенной окончательно. А ведь она, я уверена, собиралась сделать именно это.

Она мягко похлопала меня по руке.

– Это для вашего же блага, дорогая моя. Вы играете в опасную игру. У моего дяди было больное сердце, знаете ли. Он тоже был прядильщиком. Мы уговаривали его оставить это дело, иначе он убьет себя.

Я ждала, не в силах вымолвить ни слова.

– Он не послушался, и теперь его нет в живых, – добавила матушка медленно и с расстановкой. Она пристально посмотрела на меня. – Магия, дорогая моя, не для слабых сердцем.

Глава 2

Тем же вечером, собрав свои нитки и пальцы, я покинула класс и направилась по Пай-стрит к пансиону, где я и другие учительницы снимали комнаты. Башни Вестминстерского аббатства остались за спиной, их иглоподобные шпили пронзали низкое полотно хмурых туч. Холод ранней весны обвивался вокруг горла, вытягивая остатки тепла из кожи. Отчаяние накрыло меня черным густым туманом.

Год. Мне дали целый год отпуска. И матушка Бригитт ясно дала понять, что жилье на это время мне предоставлено не будет, посоветовав ради моего же здоровья подыскать пристанище в какой-нибудь деревенской глуши.

Теперь я задумалась: а не ожидает ли она, что я не вернусь? Возможно, она надеется, что я устроюсь в другой жизни, а может, подозревает, что мое состояние ухудшится.

Стиснув зубы, я двинулась дальше. О чем бы она там ни думала, я *вернусь*. Здесь мое место. Иного у меня никогда и не было.

Грязная снежная каша, выплюнутая последним слабым вздохом зимы, громоздилась вдоль стен и скапливалась в сточных канавах. Мальчишки с метелками наперегонки отбрасывали ее прочь, расчищая путь для карет и повозок, забивших улицу. От фонаря к фонарю переходил прядильщик, алыми нитями сплетая быстрые огненные заклинания, что-

бы зажечь фитили наверху. Его взгляд скользнул по моей потрепанной сумке с нитками, и, проходя мимо, он кивнул. Это был короткий кивок коллеги, молчаливое пожелание удачи. Несмотря на согревающие узоры, вышитые на воротнике и шляпе, иней все же серебрил его бороду. Улица была оживленной: сплошь нищие, бредущие обратно к своим углам и мостам, да подозрительные мужчины, ищущие теплых лож в домах утех. Каждый встречный был заперт в своем собственном мире бед, не находя в себе ни мыслей, ни сострадания для чужих. Все мы суетливо двигались каждый своей дорогой, опустив головы и скрестив руки, пугливые, словно призраки.

Я не чувствовала себя так одиноко с тех пор, как потеряла тетю. Двенадцать лет школа Перкинс была моим домом, моим убежищем, островом уверенности и надежды среди хаотичного моря безжалостных лондонских улиц. Она дала мне магию, которую я всегда жаждала, нить и иглы, которыми я ткала собственный путь в мире, а затем и цель, когда меня взяли преподавать после выпуска. Когда-то орден Мойр мной восхищался, сестры были очарованы моими способностями к плетению узоров и ловкостью рук. Говорили даже о том, чтобы повысить меня, перевести преподавать в более престижную Вестминстерскую школу.

Но затем магия обернулась против меня, переменчивая, как удача игрока.

Я старалась не думать об ученицах. О милой маленькой

Каролине, об умной Эдви́не, о робкой, но одаренной Анне. Теперь они стали заботой сестры Агаты. Я могла лишь надеяться, что они все еще будут здесь, если – точнее, *когда* – я вернусь.

Ноги подкашивались. Я прислонилась к холодной стене трактира и уставилась на дрожащее пятно света от фонаря за углом. Обманчивый намек на солнечное тепло, от которого холод ощущался лишь острее. Пятно света выхватывало из темноты клочок смятой газеты у моих ног. Страницы пестрели рекламными объявлениями: магазин ниток хвастался самым прочным шелком во всей Англии, театр зазывал всех и каждого на «Иллюзионное шоу», какого свет не видывал, а орден Святой Эдгиты Игольной рукополагал нового епископа – прядильщика, знаменитого на континенте своими молитвенными узлами.

– Сестра Роуз? – раздался тихий шепот.

Я обернулась и увидела дрожащую девочку, кутавшуюся в рваную шаль.

– Каролина? Что ты здесь делаешь?

Она шмыгнула носом.

– Это правда, что вы уезжаете?

Я вздохнула и взяла ее за руку.

– Пойдем со мной. Ты совсем замерзла.

Ее губы посинели. Я повела девочку из переулка вверх по шатким ступенькам в свою крошечную съемную комнату, которая была немногим больше узкой кровати и промерзла

насквозь. Поплотнее заперев дверь, чтобы не впускать холод, я достала нитку с иглой, спрятанные в отвороте чепца. Потребовалось три попытки, чтобы вдеть нитку в иглу окочевшими пальцами.

Каролина сидела на краю кровати и дрожала, а я пыталась продевать иглу сквозь подол ее грязного платья. Свет был тусклым, пальцы одеревенели. К счастью, я знала эти узоры слишком хорошо, чтобы ошибиться: я всю зиму вышивала их для своих учениц, для себя и для любого дрожащего от холода существа, приходившего с мольбой к дверям школы.

Пока я шила, Каролина поглаживала рукой мое тонкое покрывало и напевала себе под нос старую песенку, которую знает каждый ребенок:

Под кроватью, в темноте,
Прядет заклатья в тишине.
Взгляд – огонь, а волос – ночь,
Встретишь – не уйти уж прочь.

Ее песенка заставила меня вздрогнуть.

– Когда-нибудь, – сказала Каролина, – я сплету заклинание, чтобы поймать фейри, и попрошу отнести меня в волшебную страну. Там я научусь летать и никогда больше не буду мерзнуть. Вы верите в фейри, сестра Роуз?

Мои губы сжались. Ледяной страх вернулся, потрескивая над сердцем, словно иней. Будто на плечо опустилась чья-то холодная рука. Я вспомнила мужчину с серебряными гла-

зами, мельком увиденного в школьном окне, но отогнала мысль прочь.

– Я верю, что мы должны творить свою собственную магию.

Заклинательный узел был готов. Когда я направила в него энергию, он засветился на тонкой шерстяной юбке Каролины, словно тлеющий уголек. На этот раз магия не подвела. Свет через мгновение угас, впитавшись в нить и сроднившись с ее волокнами.

– Теплее? – спросила я.

Она с грустным видом кивнула.

– Не бросайте нас. Нельзя! Сестра Агата совсем не такая добрая, как вы!

– Ты просто сосредоточься на своей учебе, – сказала я ей, пытаюсь скрыть, как сильно меня задели ее слова.

Я обхватила руку девочки своими ладонями.

– Будь терпелива с нитью и держи иглы острыми. Однажды ты станешь прекрасной прядильщицей, Каролина.

– Но я буду скучать! – вздохнула Каролина. – Вы уходите из-за своего кавалера? Он приехал, чтобы забрать вас и жениться?

– Моего... что?

– Вашего кавалера. Высокого, с белыми волосами. Он велел мне передать, что скоро придет, чтобы... ай!

Я поняла, что сжимаю ее руку все крепче. С испугом разжав пальцы, я пробормотала извинение, которого даже не

слышала из-за стучавшей в ушах крови.

– Высокий, с белыми волосами? – переспросила я ее. – Ты уверена? Он был пожилым?

– Нет, – нахмурилась она, потирая руку. – Кажется, примерно вашего возраста.

Меня охватил леденящий ужас.

– Что он сказал, Каролина? Когда он?..

В дверь постучали.

Я вскочила на ноги и, чтобы зажечь свет, заставила влажные ладони сплести быстрый огненный узел. Прижав к себе Каролину, я уставилась на дверь, молясь, чтобы звук оказался игрой воображения. Чтобы никто не стучал. Чтобы за дверью никого не было...

Тук. Тук. Тук.

Я судорожно втянула воздух, и пламя над ладонью заметалось, готовое погаснуть от дрожи в пальцах.

– Вы откроете? – прошептала Каролина.

Я перевела взгляд с Каролины на дверь. Заставив себя сдвинуться с места, я шагнула вперед, бесшумно прочистила горло и, прижав ладонь к деревянной створке, наклонилась к щели.

– Прошу прощения? Чем... чем могу помочь? Вам нужно заклинание?

– Именно так, – донеслось из-за двери с изысканным акцентом, и от этого голоса волоски у меня на руках встали дыбом. – Заклинание и искусные руки, чтобы его сплести.

Я медленно прислонилась лбом к двери и закрыла глаза. Этого не может быть. После стольких лет...

– Открой дверь, Роуз.

Приказ прозвучал тихо, но не терпящим возражений тоном. В нем таилась скрытая угроза: если я не открою, он сделает это сам.

Я повиновалась – хотя бы для того, чтобы тут же приказать незваному гостю уйти. Когда дверь со скрипом отворилась, я приготовила свой самый строгий учительский тон.

Но при виде этого лица слова застряли у меня в горле. Оно было воплощением всех моих кошмаров за последние двенадцать лет. Лицо, которое я сотню раз мельком видела в темных углах и суетливых толпах лишь для того, чтобы моргнуть и понять: глаза снова меня обманули. Жестокое лицо с изящными, почти женственными чертами. Прекрасные холодные глаза, бескровные и хитрые губы, высокие скулы, заостренные, как у кошки, и такой же острый подбородок. Создание из снега и льда, выточенное самой зимой.

Именно его я мельком увидела в школьном окне.

Мое тело окаменело. Весь мир куда-то отступил. Сердце полоснуло острой болью, словно в него всадили нож.

– Здравствуй, Роуз Прайор, – произнес фейри, и его бледные губы медленно растянулись в тонкой улыбке. – Как же я по тебе скучал.

Глава 3

Я встала между Каролиной и неожиданным гостем, заслоняя ребенка от его блуждающего серебряного взгляда. Он оглядывал мою комнату с видом легкого недоумения, словно никогда не видел столь жалкого и убогого места и не мог постичь, зачем кому-то в нем обитать.

– Ты, – выдохнула я.

Его взгляд медленно вернулся к моему лицу, и он изящно развел руками, словно говоря: *Ну да, я, само собой.*

Я уставилась на него. Сердце трепетало от паники, и я снова чувствовала себя восьмилетней девочкой.

Он настоящий.

Он здесь.

– Каролина, – мягко сказала я и, хотя не сводила глаз с феяри, почувствовала на себе взгляд ее больших карих глаз. – Возвращайся в школу.

– Сестра Роуз?

– Со мной все будет в порядке. Иди. И ни слова об этом сестре Агате или кому бы то ни было еще.

Рука слабо сжала ее плечо и вложила в ладонку один из своих расшитых платков. Заклинательные узлы на нем защищали от мелких травм, отваживали дурные намерения и отвлекали внимательные взгляды. Он должен был помочь ей проскользнуть в школу незамеченной.

– Мы ведь не хотим, чтобы они узнали, что ты убежала, правда?

Она нахмурилась, но кивнула, крепко сжала платок в руке и проскользнула мимо меня. Слава Мойрам, спорить не стала. Когда девочка выходила, рука фейри взметнулась, и его пальцы скользнули по ее непослушной рыжей косе. Я затаила дыхание и выдохнула, только когда кончик косы выскользнул у него из пальцев, а та скрылась в лестничном пролете.

– Она напомнила мне другую юную прядильщицу, – произнес он. – Необычайно сообразительную, что призвала меня к себе древним заклинанием ведьм пустошей.

– Зачем ты здесь? – спросила я.

Он улыбнулся.

– Пойдем. Давай продолжим беседу в более теплом месте. Нам есть что обсудить, моя умненькая ведьмочка.

Мы отправились в таверну «Красный зяблик» через дорогу. Там я, все еще в оцепенении, уселась на жесткий деревянный стул у камина. Половина столов была занята: посетители мрачно разглядывали пустые кружки или лениво перебрасывались костями. Усталый музыкант в углу скрипкой зарабатывал на ужин, получая за свои труды больше проклятий, чем монет. Все здесь пропахло дымом, горелым хлебом и пролитым пивом.

Фейри сидел напротив меня, выпрямив спину, будто аршин проглотил, и сложив руки в черных перчатках одна на

другую. Пальцы у него были костлявые и очень бледные, с длинными ногтями. Я уставилась на них, лишь бы не смотреть ему в лицо. Тело одеревенело, будто я и впрямь обратилась в лед. Мне стало тесно в собственной коже, и я нервно теребила рукав, в котором всегда прятала моток ниток на случай крайней необходимости. Скрипач заиграл новую балладу – резкую, безжалостную, как зимний ветер. От каждого взмаха смычка по коже бежали мурашки.

– Ты выросла, – сказал фейри, разглядывая меня без стеснения. – И похорошела. Но мне интересно: осталась ли во взрослой женщине те смекалка и дерзость, что были у маленькой девочки?

Фейри выглядел так, будто с нашей последней встречи не прошло и дня. Посторонний мог бы дать ему двадцать лет или даже меньше, но я знала, что он гораздо старше. Возможно, куда старше, чем я могла вообразить. В этой простой обстановке он казался совершенно непринужденным, хотя его дорогой черный сюртук и голубой шелковый шейный платок больше подошли бы для светского раута, чем для заведения на окраине Дьявольского акра. Волосы холодного льняного оттенка были короче, чем двенадцать лет назад, но все еще достаточно длинны, чтобы завязать их на затылке черной шелковой лентой. Светло-голубые, с аквамаринovým отливом глаза были испещрены темными прожилками, расходившимися от зрачков. Из-за этого они казались гранистыми подобно алмазам: когда фейри поворачивал голову,

свет играл на этих гранях, заставляя их сверкать. На фоне алебастровой бледности угольно-черные ресницы выглядели почти пугающе. Их длинная бахрома неудержимо притягивала взгляд к этим драгоценным камням – его глазам. Чем дольше я вглядывалась, тем более чужеродным он казался здесь, в этом человеческом месте.

Я огляделась, чтобы понять, какое впечатление он производит на остальных. К моему удивлению, никто даже не задерживал на нем взгляд. И тут я заметила узоры наваждения, вышитые на его воротнике и рукавах. Должно быть, для остальных они делали его более человеческим, чем для меня. Такова природа этих чар: они перестают действовать на тех, кто уже видел истинный облик. А я увидела его двенадцать лет назад. Но стоило мне отвести взгляд, и на периферии зрения он начинал меняться. На лице проступали морщины. Ослепительную белизну волос смягчали золотистые отблески. Он оставался красивым, даже прекрасным, но уже не сверхъестественным.

От этого эффекта меня передернуло.

Эмма – девушка, которая обслуживала меня здесь и прежде, – принесла нам горячий чай. Она неодобрительно поджала губы, переводя взгляд с меня на моего странного спутника. По крайней мере, она явно понимала: этот гость не из числа обычных посетителей. Я без труда прочла ее подозрения и покраснела, хотя ничего более далекого от истины и быть не могло.

– Ужин? – спросила она, и это слово прозвучало из ее уст как обвинение.

– Принесите моей спутнице лучшее, что у вас есть, – сказал фейри, глядя на меня. – А мне свежей клубники в сахарной пудре.

– Свежей... – У Эммы округлились глаза. – Сэр, сейчас же *март*.

– Загляните в свои кладовые, милая, – невозмутимо парировал он и отпустил ее легким взмахом руки.

Эмма с видом глубокого возмущения направилась на кухню. Меня вдруг потянуло ухватиться за ее фартук и оттащить обратно, умолять не оставлять меня с ним наедине. Видеть его здесь, в таком заурядном и знакомом месте, было непривычно до рези в глазах. Словно он не мог существовать вне темных закоулков, заснеженных лесов или страниц сказочных книг. Какая-то глупая часть меня верила, что, пока я держусь на свету, среди толп людных лондонских улиц, ему меня не достать. Трудно найти место, менее похожее на сказку, и все же он сидел здесь и внимательно разглядывал меня, сведя тонкие темные брови к переносице.

– Ты почти не моргала последние десять минут, – произнес фейри, склонив голову набок.

От этого движения его тонкие белые волосы сместились, обнажив заостренный кончик уха и синий камень, свисающий с мочки, словно сосулька.

– У тебя жар? Ты и правда выглядишь пугающе бледной,

но я не лучший судья в таких вещах. Вы, смертные, такие хрупкие создания. И какая же ты худая. Тебе бы лучше питаться.

Я все еще не могла до конца поверить, что он настоящий. В глубине души я надеялась, что это мираж, порожденный холодом, сковавшим мое сознание.

– Почему ты так на меня смотришь?

Он взмахнул рукой; на каждом пальце сверкало по серебряному кольцу.

– Думала, я не вернусь? Думала, я забыл о нашей сделке?

– Двенадцать лет, – прошептала я.

Двенадцать лет вздрагиваний от каждой тени и шепота в глубине сознания. Двенадцать лет вопросов: не приснилось ли мне все это, не сошла ли я с ума. Двенадцать лет... и да, я начала надеяться, что он может забыть. В конце концов, что значит одна окаменевшая от страха восьмилетняя девочка для бессмертного фейри?

Оказалось, больше, чем мне хотелось бы верить.

– Моя тетя не может говорить, – сказала я. – Она даже есть сама не в состоянии. Ее держат в лечебнице, как зверя в клетке.

Разглядывая меня, он провел указательным пальцем по нижней губе.

– И разве это не приносит тебе утешения? Она больше никогда не причинит тебе вреда. Разве не этого ты у меня просила?

– Я никогда не просила тебя...

Я с трудом сглотнула.

– Мне было восемь лет. Я не понимала...

– Что ж, однако ты понимала, как сплести заклинание призыва.

Его голос потерял долю отполированной легкости, стал глубже, выдавая его истинный возраст.

– Ты знала, к каким силам взываешь. Когда ты заключила со мной сделку, я заглянул тебе в сердце и понял, чего ты на самом деле хотела. Ты хотела, чтобы она страдала так же, как заставляла страдать тебя.

– Я была *ребенком* и чувствовала, как чувствуют дети – слишком остро, без полутонов. Мне было больно и страшно, и я хотела от нее избавиться. Я не осознавала последствий!

– Разумеется. Но не разыгрывай передо мной *неведение*, будто оно может очистить твою совесть. Ты позвала меня, и я пришел. Я предложил сделку, и ты ее приняла. Ты сама завязала клятвенный узел, и я дал тебе то, что ты хотела.

Он наклонился вперед, положив ладони на стол. То ли магия наваждения на секунду ослабла, то ли у меня разыгралось воображение, но на миг мне показалось, что на каждом из его пальцев на один сустав больше положенного.

– А теперь мне кое-что нужно, и ты поможешь мне это получить.

Я открыла было рот, чтобы ответить, но тут вернулась Эмма и поставила передо мной тарелку с дымящейся свининой,

жареной картошкой и мягким хлебом. Перед фейри она с видом полного недоумения поставила тарелку свежей клубники в сахарной пудре.

– Я...

Она уставилась на тарелку и встряхнула головой, будто пытаясь прогнать туман.

– Принести вам что-нибудь еще?

– Этого достаточно, – сказал фейри. – Ступай, мой цветок, и более не беспокой нас.

Она попятилась, все еще ошеломленная, и исчезла за кухонной дверью.

Вид еды вызвал лишь тошноту. Я откинулась на спинку стула и собралась с духом, чтобы посмотреть ему в глаза. Он тем временем изящно резал клубнику, отправляя ее в рот на лезвии ножа.

– Почему сейчас? – спросила я. – Почему ты ждал все эти годы, чтобы потребовать плату?

– У меня есть много других *вложений*, за которыми нужно следить, не только ты. Хотя, дорогая Роуз...

Он вздохнул, разрезая очередную ягоду.

– Ты всегда занимала особое место в моих мыслях. Девочка, достаточно сообразительная, чтобы сплести заклинание, на которое мало кто из мастеров отважился бы. О да.

Он сделал паузу, указывая на меня ножом.

– Ты и впрямь занимаешь особое место.

От смеси удовольствия и стыда по шее пополз румянец.

Если бы фейри знал, с каким трудом я теперь справляюсь даже с простым заклинанием призыва, сомневаюсь, что он говорил бы такие лестные слова. Сомневаюсь, что он вообще бы здесь сидел. Я опустила взгляд на стол и промолчала.

– Признаюсь, – добавил он, – ожидалось найти тебя в каком-нибудь высоком положении. Например, прядильщицей при дворе вашей королевки. Почему ты не на хорошей должности, не плетешь узоры для аристократии шелковыми нитями? Когда я обнаружил, что ты провела эти годы в школе для бедняков, уча нежеланных оборвышей плести убогие целительные заклинания, я подумал, что, возможно, мое вложение оказалось неудачным.

Я выпрямилась, сжав кулаки на коленях. То удовольствие, что я почувствовала от его лести, полностью испарилось.

– Мне больше не восемь лет, сэр *фейри*. Дело мое, может, и скромное, а вот мастерство – нет. И уж поверь, общество этих отчаявшихся детей, которых ты зовешь *нежеланными*, мне куда ближе, чем все высшие дворы Европы.

Я почти слышала в ухе хриплый голос моей старой учительницы: *Гордыня, Роуз Прайор. Это твой главный порок.*

– А возможно, – сказал он лукаво, – за тобой тянется определенная репутация, сувенир той ночи в придачу к шраму.

Я в оцепенении дотронулась до шрама, оставшегося на шее от ожога после тетиной трубки. Конечно, фейри все обо мне знал. Вероятно, у него все эти двенадцать лет были способы следить за мной, присматривать за своим скромным

вложением.

Меня называли сумасшедшей. Я хорошо это знала. Не единожды мне говорили это прямо в лицо. *Сумасшедшая, словно с фейри поводилась.* Поразительно, как близко люди могут подобраться к правде, даже не зная подробностей.

Моя тетьа была хорошо известна в определенных кругах – или, по крайней мере, ее состояние. Поэтому ее внезапное помешательство двенадцать лет назад не могло остаться незамеченным. Ум знаменитой своей язвительностью леди Леноры помутился за одну ночь? Подозрения множились в газетах, теории цеплялись за теории, образуя вокруг меня круги на воде, куда бы я ни пошла. Говорили, что я, ее единственная родственница, должна быть к этому причастна. Та самая несчастная племянница бедного Артура, которую леди Ленора милостиво приютила, хотя кровными родственниками они не были. Племянница без гроша за душой, но с талантом к магии.

Но я не причиняла тете вреда. По крайней мере, не напрямую. Я не плела заклинания, чтобы лишить ее разума и помутить рассудок, сделав ее не способной даже есть самостоятельно.

Это сделал *он*.

Все произошло так быстро, что в памяти осталось лишь смутное пятно: появление фейри, серебряного, сияющего и ужасного на фоне темно-красных стен дядиного кабинета; моя бессвязная мольба о помощи; нити клятвенного узла,

оббивающие мои пальцы, когда я принимала его условия. Он освободил меня, но назначил цену: я должна *оказать ему услугу к своему двадцать первому дню рождения*. Я поклялась в этом своим детским голосом, считая, что до того дня еще целая вечность, а мучения от тети терзали меня каждый день. Чтобы избавиться от нее, я продала бы и душу.

Возможно, именно это я и сделала.

– Что ты хочешь? – прошептала я.

Уголок его жестокого рта дрогнул.

– Я хочу вернуться домой.

Это был не тот ответ, которого я ожидала. Быть может, десять девственниц, принесенных в жертву в полнолуние, или что-то столь же ужасное. Но... *вернуться домой*? Звучало так обыденно.

– Ты хочешь вернуться в... страну фейри?

Его брови игриво взлетели.

– Страну фейри? Так ее называют разве что дети. Для моего народа это Нижний Мир, или Эльфхейм.

– Почему ты не можешь просто туда пойти? Разве тебе там не самое место?

– Не все так просто, как щелкнуть пальцами, дитя. Я не был там много веков. Большинство врат в Эльфхейм были закрыты давным-давно, когда стало ясно, что мой народ и твой не могут сосуществовать в мире. Жизнь среди вас, смертных, дается мне все труднее. Столько стало железа во-

круг...²

Его взгляд уплыл, голос затих, и на мгновение он, казалось, унесся за тысячу лиг.

– Там, в Нижнем Мире, найдутся те, кто может... оспорить мое возвращение. Поэтому я должен вернуться в полной силе или не возвращаться вовсе, а для этого мне нужна твоя помощь.

Когда он посмотрел на меня, его лицо стало серьезным и в глазах явственно проступил его возраст. Словно на меня смотрела сама гора, или руина, или иная древняя, непостижимая сущность.

Я снова откинулась на спинку стула, желая, чтобы появилась Эмма, но она – да и все прочие слуги – будто сквозь землю провалились.

– В Эльфхейме, – медленно произнес фейри, – есть дерево. Мне нужен всего лишь его кусочек. Ты, пташка, слетаешь туда, сорвешь ветвь с этого дерева и принесешь ее мне.

Я уставилась на него, испытывая странное желание рассмеяться.

Проскользнуть в Эльфхейм? В мир, полный таких же чудовищ, как он? Украсть кусок какого-то священного дерева фейри и вернуться обратно?

Мне хотелось сказать, что это невозможно. Что я отказываюсь быть в ответе за детскую клятву, каким бы талантом к

---

² В фольклоре холодное железо – главное оружие и слабость фейри, действующее как яд или обжигающее при контакте.

прядению тогда ни обладала. Хотелось послать его к черту – или, что для него вернее, отправить жевать железные гвозди.

Но затем он произнес:

– Сделай это для меня, и твое сердце снова станет целым.

Я резко вдохнула.

– Понятия не имею, о чем ты...

– Не прикидывайся дурочкой. Мы оба отлично понимаем, что к чему.

Он наклонился ко мне, постукивая длинным ногтем по столешнице.

– Я догадываюсь, какую боль ты чувствуешь, когда направляешь магию. Мы ведь приближаемся к твоему двадцать первому дню рождения, не так ли? А твоя клятва все еще не выполнена. Или ты думала, что клятвенный узел, который ты завязала, был лишь формальностью?

Я прижала дрожащую руку к груди. Конечно, я знала. С того самого момента, как началась боль, я понимала ее истинную причину, хотя и гнала от себя эту мысль.

– Ты можешь отказать мне в этой услуге, – добавил он. – Я не могу тебя принудить. Но это будет стоить тебе твоей магии. Ведь когда ты завязала узел, скрепляющий нашу сделку, то поклялась своим сердцем.

Да, я это помнила.

Клятвенные узлы – штука особая, они требуют четкого залога. А я поклялась тем единственным, что было мне дорого, единственным, что когда-либо – и до сих пор – приносило

мне радость.

«Клянусь своим сердцем», – эхом отозвался во мне голос меня восьмилетней. Сердце. Драгоценный сосуд, в котором прядильщик сплетает энергию в магию. Я предложила в залог самую суть своей зарождающейся силы.

Мысль ему отказать была заманчивой. Я могла бы развернуться и просто уйти, высоко подняв голову. Доказать, что никому ничего не должна.

И навсегда лишиться своей магии.

Легкие сжались, кожа покрылась липким потом. Так бывало всегда, когда я понимала, что заклинание вот-вот провалится. В тот миг на меня обрушилась густая смесь паники, страха и, более всего, всепоглощающего бессилия. Без магии я стала бы абсолютно ничем. Призраком в собственной коже. Дрожащей мышью. Зависимой от других, навеки раздавленной в мире, что презирает бедных, невзрачных женщин с сомнительной репутацией. Без магии я просто не выживу.

Представить жизнь без магии – все равно что сорваться и падать с невообразимой высоты в темную, пустую бездну. Это чувство было хуже смерти. Будто у тебя из рук вырывают последнее оружие и последний щит.

Это то же самое чувство, что я испытывала, когда тетя прижигала мне кожу трубкой.

Но помимо страха жизни без магии, еще глубже таилась правда о том, что я ее любила. Все в ней. Нити, складывающиеся в таинственные узоры между моих рук; мгновенную

связь со всем живым и растущим вокруг; прилив энергии, проходящий сквозь тело, и дымный жар магии на кончиках пальцев. Все те детские часы, озаренные серебром лунного света, когда я погружалась в украденные книги заклинаний и мотки ниток. Даже зная, что тетя изобьет меня, застав за этим, я все равно не могла удержаться. Потребность в магии была сильнее страха.

Но еще дороже стали для меня мои ученики и наш класс. Я дорожила нашими тихими уроками; тем, как они склонялись над пальцами, пока я учила их ткать себе путь к свободе от равнодушного мира. Той самой свободе, что когда-то обрела сама. Без магии двери в класс для меня закроются.

Еще задолго до того, как я сплела заклинание призыва фейри, магия была моей свободой. Моей надеждой. Магия говорила мне, что если я буду усердно учиться и много практиковаться, то однажды смогу соткать себе любую жизнь, какую пожелаю.

И я откажусь от всего этого ради... чего? Гордыни? Упрямства? Ради жизни в нищете на улице, теперь, когда даже скромная благотворительная школа не возьмет меня на работу?

Ради магии я бы пожертвовала чем угодно.

Я подняла к губам чашку с чаем, допила уже остывшее содержимое и пожалела, что там не что-нибудь покрепче.

А затем встретилась взглядом с фейри и сказала:

– Ты хочешь, чтобы я пробралась в мир фейри, украдала

волшебную ветвь со священного дерева и выбралась обратно живой? И тогда мой долг будет уплачен?

Его глаза вспыхнули, словно синее пламя.

– Когда ты принесешь мне ветвь с Древа Двирра, Роуз Прайор, твой долг передо мной будет полностью закрыт.

– И больше ты ничего мне не расскажешь? Насколько это опасно? Как мне попасть в Эльфхейм? Как мне выбраться назад?

– Нас ждет путь. На все будет время.

– Что ж. – Я замялась, чувствуя, будто ступила в бурный поток и потеряла опору. – Могу я узнать твое имя?

Фейри поднес руку к подбородку, и его губы изогнулись в опасной улыбке.

– Мое имя?

– Если я собираюсь исполнить эту невозможную и смертельно опасную услугу, то хотела бы, по крайней мере, знать имя того, кто дергает за веревочки.

Он рассмеялся прекрасным, переливчатым смехом, который заставил всех в зале повернуть головы и вмиг разорвал чары наваждения, обнажив его истинную суть: чересчур длинные пальцы, заостренные уши, неестественно острые зубы. Я тревожно оглянулась, ожидая, что кто-нибудь крикнет: «Демон!»

Вместо этого передо мной показались десятки таких же заостренных ушей и острых зубов. Создания, которых я по глупости приняла за обычных посетителей, тоже сбросили

свои чары. Даже скрипач ухмыльнулся мне, и его лицо вдруг заблестело чешуйками. Я была окружена сонмищем фейри. Их смех был стрекотанием жуков, а глаза – черными выпуклыми бусинами. Ни Эммы, ни кого-либо из людей видно не было.

По спине пробежала холодная дрожь. Я привстала со стула, задыхаясь от шока, а фейри, глядя на мое перекошенное лицо, захохотали пуще прежнего. Весь трактир был набит их сородичами до отказа, превратившись в настоящий улей бессмертных. Сплошь вытянутые конечности и шелковая, вневозрастная кожа. И вдруг меня с леденящей ясностью осенило: тот, кто сидит напротив, – их предводитель.

– Что ж, – сказал фейри, не отрывая от меня своих холодных глаз. – Можешь звать меня Лахлан.

Глава 4

На следующее утро я проснулась в высокой кровати, укутанная тремя одеялами. От еще тлеющих в маленьком камине углей исходило тепло. Лахлан снял для меня комнату в «Красном зяблике» – одну из лучших, по цене, которую я не смогла бы осилить даже на месячное жалование учительницы. Но, несмотря на мягкую постель, уснуть удалось лишь через несколько часов: я мучилась сомнениями, не совершила ли глупость, согласившись на это безумное предложение. Делу не помогло и то, что Лахлан снял все остальные комнаты в трактире для своих фейри и те буйно веселились всю ночь напролет. Они пили, гремели и распевали странные, переливчатые песни на шепчущем языке, которого я не узнавала. Как целое сообщество этих созданий могло бесчинствовать столь открыто в сердце Лондона, избегая внимания, было ведомо только Мойрам. Я спрашивала себя: давно ли они здесь и много ли им подобных скрывается у всех на виду?

Не то чтобы я много знала о фейри. В конце концов, они попадали в ту же категорию, что и призраки, демоны или шелки. Большинство людей предпочитало в них не верить вовсе, разве что в самые темные и бурные ночи, когда даже самые невероятные истории кажутся правдой. Если бы не то роковое заклинание призыва, которое я нашла в дядином кабинете, возможно, я и сама стала бы скептиком. Самое из-

вестное поверье гласит: именно фе́йри обучили людей магии в давние времена, а потом навсегда исчезли из мира.

Очевидно, что по меньшей мере половина этой истории – ложь.

Когда я наконец поднялась с постели, то обнаружила на кресле у камина новую одежду: голубое льняное платье, простое, но со вкусом, и к нему корсет с нижней юбкой. Я надела их с чувством легкой тошноты, гадая, кто их принес и кто их для меня подбирал. Одежда сидела безупречно.

– Мисс Прайор.

Я обернулась и увидела в дверях Эмму.

– Да?

– Мистер Мердок велел передать, что ждет вас внизу.

Мне потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, что мистер Мердок – это мой фе́йри. Лахлан Мердок. Обычное имя для необычного существа, но я не сомневалась, что это не его настоящее имя. Не то чтобы я хотела иного – чем меньше я о нем знаю, тем скорее смогу оставить его и всю эту историю позади. Если я просто буду вести себя смирно и достану ему эту ветку, то больше ничего не буду ему должна и никогда больше его не увижу.

– Где другое мое платье? – спросила я.

– Мистер Мердок велел его сжечь.

Лицо запылало. Возможно, мои вещи были поношенными и давно вышли из моды, но они были *моими*.

В сумрачной гостиной меня ждал мой фе́йри-проводник в

окружении нескольких своих приспешников. После вчерашнего мне удалось увидеть их в истинном обличье, но краем глаза все же замечала проблески магии – бороды, животы и пигментные пятна, которые делали их в глазах всех остальных обычными людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.